

С. І. МЕШКОВАЯ, канд. іст. наук, доцент НТУ «ХПІ»

СОСТАВ СЛУЖАЩИХ ЗАСОРЕН «БЫВШИМИ ЛЮДЬМИ»: ЛИШЕНЦЫ ХАРЬКОВА И ДОНЕЦКА В ПЕРИОД ЧИСТКИ СОВЕТСКОГО АППАРАТА 1930-1931 ГГ.

В статье рассматриваются вопросы выявления и наказания граждан, лишённых избирательного права, во время индивидуальной чистки советского аппарата 1930-1931 гг. Отдельное внимание уделено анализу нравственного облика «лишенцев», их мировоззрению, психологии поведения. Чистка советского аппарата, как разновидность репрессивных мер против «бывших людей», являлась процессом крайне противоречивым.

Ключевые слова: «лишенцы», «чистка», протокол, донос, моральный облик, профессиональная этика, трудовой список, махинации, дисциплина, апелляция.

Введение. В результате окончательного установления советской власти на большей части Украины и последующего вхождения Украинской Социалистической Советской Республики в состав СССР, началось активное внедрение большевистских принципов социальной политики. Одним из её направлений стал процесс классовой санации общества путём выявления «бывших людей», лишения их политических и гражданских прав. Огульные обвинения «лишенцев» в чужеродности, нелояльности к новой власти, спекуляции, рвачестве, мещанстве, моральной деградации, очень быстро переросли в идеологическую норму.

В последнее десятилетие в постсоветской исторической науке, главным образом, российской, делаются успешные попытки изучения данной проблемы. Историография пополнилась диссертационными исследованиями Т. М. Смирновой, Л. А. Серокуровой, Д. В. Валуева, М. С. Саламатовой, Е. В. Карпычёвой, Н. М. Морозовой; научными разработками С. А. Красильникова, Т. М. Смирновой, Н. А. Федоровой, освещающими региональные особенности процесса искусственной маргинализации советского общества [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. В 2002 г. вышла монография украинского историка Ю.П. Волосника «Нова буржуазія України та розвиток приватнопідприємницької діяльності на фінансовому ринку в роки непу», где, в том числе, уделено внимание характеристике социального облика «классового монстра» [10]. Проблема «лишенцев» стала одним из аспектов фундаментального исследования американского советолога Шейлы Фицпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город» [11].

Однако, по мнению российского историка С. В. Шейхетова, «в большинстве современных работ просто изменен минус на плюс» и отдельные категории «лишенцев», например нэпманы, односторонне представлены «невинными жертвами коммунистического террора» [12]. Между тем, ложная идеализация образа бывшего

социального врага – такое же неоправданное научное действие, как и тотальная его дискредитация. Необходимо детальное исследование нравственного облика советских изгоев, их личностных характеристик, мотивов социального поведения, а затем, исходя из этого – причин и механизма чисток. Анализ вышеперечисленных аспектов составляет **цель** данной статьи, в основу которой положены обнаруженные в Государственном архиве Харьковской области материалы чистки советского аппарата 1930-1931 гг., проведённой на торговых предприятиях харьковской центральной рабочей кооперации и транспортно-промышленного объединения донецкой железной дороги [13].

Изложение основного материала. Чистка, как разновидность репрессивных мероприятий советского правительства против «чуждого элемента», была в стране Советов явлением привычно-периодическим, в корне ломающим человеческие судьбы, необычайно мощным по силе эмоционального потрясения для каждого, кого она затронула. Весь накал чувств и бессильную ярость пострадавшего от неё удалось передать В.В. Маяковскому в стихотворении «Смена убеждений» (1929 г.):

«Он шёл, держась за прутья перил,
сбивался впотьмах косоного.
Он шёл, и орал, и материл
и в душу, и в звёзды, и в бога...
Прогромыхав в ночной тишине,
встряхнув семейное ложе,
миролюбивой и тихой жене
скулу на скулу перемножил...
В буфете посуду успев истолочь
(помериться силами не с кем!),
пошел хлестать любимую дочь
галстуком пионерским...
Со всей обстановкой в ударной вражде,
со страстью льва холостого
сорвал со стены портреты вождей
и кстати портрет Толстого.
Билет профсоюзный изодран в клочки,
ногою бушующей попан,
и в печку с размаху летят значки
Осоавиахима и Мопра.
Уселся, смилив возбуждённый дух, –
небитой не явится личности ли?
Потом свалился, вымолвив: «Ух,
проклятые черти, вычистили!!!» [14].

Судя по бешеному шквалу эмоций, герой В. Маяковского мог быть «вычищен» по самой тяжёлой, 1-ой категории, без права трудоустройства в государственном секторе, с лишением прав на пособия, пенсии, выселением из квартиры. 2-я категория допускала возможность работы в государственных учреждениях другого

типа или в другой местности; 3-я, самая щадящая, сопровождалась простым понижением в должности.

Чистка советского аппарата в Харькове и Донецке охватила беспартийных служащих розничных магазинов, столовых, парикмахерских, складов, хлебопекарен. Уже в первые дни работы комиссия признала неблагоприятным социальный состав коллективов и «дела с оккоммунизацией аппарата» [13, л. 8]. Так, на предприятиях 14-го куста Свердловского района Харькова, трудились 129 рабочих (17%), 37 крестьян (5%) и 547 служащих (75 %); но среди них всего 32 (4,3 %) состояли в партии и 59 (8,1%) – в комсомоле [13, л. 8]. Кроме того, было обнаружено большое количество сотрудников-«лишенцев», проникших в государственный сектор путём множественных махинаций. Неприятным открытием для чиновников стали факты «круговой поруки и зажима в случае желания скрыть те или иные ненормальности в работе или разоблачения социального лица, проходившего чистку» [13, л. 11]. Таким образом, несмотря на значительный «стаж» советской власти и грандиозные экономико-патриотические процессы, инициированные сталинским правительством в конце 20-х гг., уровень сознательности в 14-ом кусте действительно оказался весьма скромный.

Традиционно, доказательную базу чистки составили доносы, заявления и показания свидетелей. Именно поэтому невольно возникает подозрение в изначальной предвзятости советских бюрократов к «чуждому элементу», а значит и в необоснованности вынесенных решений. Между тем, члены комиссии ясно осознавали (а главное, иногда учитывали) то, что «часть ... заявлений ... дискредитировали отдельных кооперативных работников по личным причинам... Рядом со здоровой критикой были отдельные выступления склочного характера, личных счётов, подсиживания ...» [13, л. 118].

Изучение протоколов, содержащих не только биографические справки, причины проверки и окончательные вердикты, но и отражающих отдельные черты характера и мировоззрения людей, манеру их поведения, отношение к происходящему и даже степень индивидуальной стрессоустойчивости, показывает, что далеко не все «лишенцы» отличались высокой моралью и вызвали сочувствие. Данное предположение подтверждается анализом главных причин «вычистки».

Часто предъявляемой к «лишенцам» претензией являлось нарушение профессиональной этики. Бывший кустарь М. И. Коган был «груб с потребителями»; продавец-«лишенец» Д. Е. Клименко допускал «грубое обращение как до потребителей, так и служащих»; бывший торговец Л. М. Бронштейн признался, что постоянно обвешивал покупателей, «отпуская сало»; сын кулака С. Т. Кармин «обвешивал при выдаче мяса больницам»; бывший частник С. Г. Лелюк «брал остатки на товар и систематически обкрадывал потребителей»; сын кулака И. З. Снежаков «своим поведением, нетактичностью разжигает национальные чувства: ... потребителей-поляков посылает получать продукты в Польшу» (на комиссии И.З. Снежаков объяснил свою грубость «неврастениею») [13, л. 17, 95, 185, 105, 170, 15]. Нередко нарушались правила продажи нормированных и дефицитных товаров («отпускал вместо установленных 25% белого хлеба 50%

своим»; «снят за связь с чуждым элементом, снабжая его дефицитными товарами»; «снабжал дефицитом служителей культа»; «обвиняется в выдаче незаконно своим знакомым 4 кил мяса»; «припрятывал мясо и отпускал таковое без талонов»). Встречаются и такие обвинения – «использовал кооперативную организацию в целях сбыта товара частного лица»; «брал из кассы деньги для своих собственных потребностей», «имеет недостачу по магазину 367 руб.» [13, л. 75, 157].

Ещё одна причина «вычистки» – аморальное поведение. Например, некто Л. Х. Арутюнов устраивал «в помещении магазина оргии» и регулярно пьянствовал на рабочем месте [13, л. 84, 189]. Похожими обвинениями архивное дело буквально переполнено. На службе «бывшие» играли в карты, пьянствовали, на почве алкогольного опьянения совершали хулиганские поступки, требовавшие вмешательства милиции [13]. Подобное поведение парадоксально. Казалось бы, в интересах «лишенцев», с огромными трудностями устраивавшихся на предприятия государственного сектора и постоянно находившихся под угрозой разоблачения, был едва заметный, благопристойный образ жизни, без привлечения к своим персонам повышенного внимания. Однако, исходя из документальных свидетельств, бдительность некоторых из них со временем притуплялась, брали верх дурные наклонности, моральная нечистоплотность, природная или приобретённая тяга к разгульному образу жизни. Всё это поступательно подталкивало таких сотрудников к «вычистке».

Наконец, практически всем «лишенцам» вменялось в вину мошенничество с документами. В трудовые списки сознательно не вносились «скользкие» факты биографии (тем более, что в условиях того специфического времени, с его революционно-военным хаосом, компрометирующие документы легко «терялись»). Из меркантильных интересов в трудовых списках фиксировались несуществующие заслуги, дающие право на весомые льготы, как это сделал, например, бывший инспектор губернского тюремного управления города Иркутска Д. И. Тамара, который «ввёл в заблуждение Инспекцию РКК ... оказался в начсоставе запаса и был послан на работу в 3% броню» [13, л. 103]. При этом, факт службы в Иркутском тюремном управлении Д. Тамара скрыл, как скрыл и свою настоящую фамилию – Тамарин, не желая афишировать родство с «известным князем Тамариным» (имеется в виду участник корниловского мятежа, генерал А. А. Тамарин-Мерецкий (Хан-Гирей), на момент проведения «чистки» 1930-1931 гг. отбывавший наказание в Соловецком лагере особого назначения – Авт.) [13, л. 103]. Предметом махинаций становились также заборные книжки на приобретение по талонам ряда товаров («имел заборную книжку на 4 человека, в то время как заявляет, что живёт один») [13, л. 105].

Таким образом, наглядно подтверждается точка зрения о явной аморальности отдельных «лишенцев» и некоторой доли объективности в работе комиссий по чисткам. Определённым подтверждением этому может служить следующий факт. В мемуарах советской правозащитницы Е. Г. Боннэр содержится рассказ о том, как в 1933 г., в 10-летнем возрасте, она невольно стала свидетельницей одной из чисток и наблюдала за поведением «чуждого элемента» (этот фрагмент цитирует в своей

книге и Ш. Фицпатрик): «Видно было, что они нервничали... Как оказалось, некоторые били жён и пили очень много водки... Иногда тот, кого «чистили», обещал больше не бить жену или не пить. Многие говорили о своих поступках, что «больше этого не будет» и что «они всё осознали»... Некоторые чуть не плакали. Неприятно было на них смотреть» [15; 10, с. 29]. Итак, комиссия, работавшая спустя два года после описываемой харьковско-донецкой чистки, снова преследует «морально разложившихся». Заметим, что Е. Г. Боннэр пишет далеко не об одном или нескольких людях, а о «многих». И все они произвели на неё крайне негативное впечатление. В мемуарах нет ни слова о невинных жертвах, хотя таковые безусловно были. Любопытно, что эти люди абсолютно не вызвали сочувствия ни у маленькой девочки, ни у повзрослевшей женщины – дочери репрессированного, супруги диссидента А. Д. Сахарова, как никто другой знавшей страшную изнанку советского бытия и способной, казалось бы, с позиции личных трагедий, переоценить своё детское отношение к людям, попавшим под каток советской системы. Но этого не происходит, поскольку, нет смысла в предвзятой лакировке образа социального изгоя в угоду очередной модной научной конъюнктуре.

Конечно же, невозможно категорически отрицать то, что жертвами чисток часто становились граждане, доказательства вины которых были совершенно беспочвенны. Социальное происхождение, предпринимательская деятельность, сокрытие факта лишения прав – ахиллесова пята совслужащих, грозившая репрессиями. Вот лишь несколько примеров. По 2-ой категории была уволена «чуждый элемент», дочь торговца Х. А. Авгунина, не имевшая при этом никаких нарушений в работе [13; с. 56]. Л. М. Соболева, бывшая торговка и жена торговца, лишённая права голоса, но восстановленная в правах в 1930 г., «попала на работу как актив Райсовета» [13; с. 77]. Однако, несмотря на реабилитацию и активную общественную деятельность, женщина лишилась места работы в государственной кооперации [13; с. 77]. По 2-ой категории уволили не имевших взысканий рубщиков мяса К. Ф. Крюкова, И. С. Сильченко и Г. А. Калинича [13; с. 94]. Их вина заключалась в статусе «лишенцев», имевшемся на момент чистки [13; с. 96]. Вердикт комиссии относительно бывшей лавочницы К. С. Мальцевой был беспощаден: «затаила от общественной организации, что до 1928 года занималась торговлей и обманным путём пролезла в кооперацию... Снять с работы без категории» [13; с. 179]. Заведующего отделом Сильченко сняли по 1-ой категории, как бывшего лавочника и «лишенца», несмотря на то, что «заявлений никаких не получено» и нарушений в работе не обнаружено [13; с. 171].

Впрочем, уволенным сотрудникам предоставлялась возможность опротестовать решение. Однако реакция комиссий на апелляции была довольно оригинальной. Советские чиновники крайне неохотно признавали собственные ошибки и находили массу дополнительных поводов, подтверждающих справедливость первоначального вердикта. Попытки «вычищенных» добиться правды превращались в бессмысленную трату времени, грозили новыми, более опасными разоблачениями. Относительно некоего В. С. Позднякова, например, приняли следующее решение: «так как обвинение, что бежал с белыми не подтвердилось, изменить формулировку

– как особу, что в годы разрухи спекулировала, используя служебное положение (работая на железной дороге)» [13; с. 182]. А «лишенцу» П. В. Игнатову после подачи апелляции припомнили ещё и прошлую деятельность «ответственного работника крупного капиталистического предприятия», и владение домом, «с которого имеет нетрудовой доход» [13; с. 182].

Между тем, в ряде случаев, вроде бы обречённые на неизбежное наказание служащие, избегали его, отделавшись лишь лёгким испугом. Продавец А. М. Фридман, скрывший от комиссии факт торговли по патенту 3-го разряда, получил обычный выговор [13; с. 17]. Бывшего торговца сельтерской водой и «разными мелочами» Ш. Г. Лангборда за сокрытие фактов своей биографии также наказали выговором [13; с. 72]. Был переведён в продавцы «зав. мясной № 106», бывший торговец и сын торговца И. М. Ицкевич [13; с. 190]. Ф. Э. Москович, «за недачу сведений комиссии о том, что торговала и отказ от предъявленных ей обвинений после того, как ей были предъявлены документы о её торговле», вынесли выговор с предупреждением [13; с. 12].

Архивные документы дают уникальную возможность «увидеть» характер «лишенцев». Некоторым из них был присущ откровенный авантюризм. Так, раскулаченный П. В. Зайченко, поставив перед собой цель вступить в профсоюз и устроиться в соваппарат, бросил коммерцию, дом, семью и буквально сбежал из Донецка в далёкий Мурманск, где сумел затеряться, «изменить» биографию и сделать новые документы [13; с. 189]. Нужно признать, что в тяжелейшей ситуации оказывались сотни тысяч «лишенцев», однако, так радикально изменить жизнь, перечеркнуть прошлое, разорвать все связи (особенно родственные) и бежать в неизвестность, решался далеко не каждый.

Совершенно невероятным кажется поведение В. Н. Совко, которая «во время белых оказывала им всевозможное внимание» [13; с. 84]. Женщина трижды арестовывалась, в том числе, за торговлю валютой и сочувствие троцкистам. Но пережитые злоключения настолько не напугали её, что упорно, во всеуслышание, она продолжала вести опасные антисоветские разговоры с покупателями и коллегами. Что это было – всё та же склонность к авантюризму, бравада, беспечность или глупое безрассудство? В любом случае, в смелости кассирше Совко отказать трудно, да и в высочайшей стрессоустойчивости тоже. По всей видимости, именно они позволяли «лишенке» выдерживать эмоциональные перегрузки, легко сломавшие бы человека с более хрупкой психикой.

Интересна манера «лишенцев» держаться на заседаниях комиссии по чистке. Большинство из них, особенно женщины, вначале рассмотрения своих дел упорствовали, отрицая все обвинения. Но под давлением свидетелей и комиссии буквально сникали и признавали вину. Бывшие белые офицеры, вели себя высокомерно, дерзко парировали обвинения, отказывались отвечать, демонстрировали полное пренебрежение к происходящему. Некоторые выбирали инфантильную стратегию, намеренно демонстрировали беспомощную забывчивость или непонимание сути вопросов, путанно увиливали от прямых ответов. Создаётся впечатление, что человек, попавший в опасную ситуацию, грозившую крахом его

будущего, в надежде вызвать жалость бессознательно или намеренно выбирал по-детски наивную позицию. Нередки примеры полной потери контроля людей над собой, когда под воздействием страха и паники они истерично путались в собственной биографии, не могли вспомнить содержание трудового списка, судорожно опровергали собственную, только что произнесённую ложь. Всё это выдаёт сильнейшую степень потрясения человека, агрессивно отвергаемого социумом.

Выводы. Таким образом, чистка советского аппарата, как разновидность репрессивных мер против «бывших людей», являлась процессом крайне противоречивым. С одной стороны, незаконному преследованию подвергались «социально несоответствующие» граждане, с другой – предпринимались попытки искоренения социальных пороков и дисциплинарных нарушений в профессиональной сфере. Не оправдывая сталинский режим, учитывая особенности исторического времени, накладывающего серьёзный отпечаток на человеческую личность, историку необходимо отчётливо понимать естественность существования в социуме разных по нравственной ориентации и социальному поведению людей. Именно поэтому, исследуя проблему «лишенцев», необходимо анализировать её всесторонне, отказавшись от принципа тотальной идеализации их нравственного облика, что позволит создать объективный социальный портрет советского маргинала.

Список литературы. 1. *Смирнова Т.М.* "Бывшие люди" в социальной структуре и повседневной жизни советского общества. Автореф. доктор. дисс. / Т.М.Смирнова. – Научная библиотека диссертаций и авторефератов: <http://www.dissercat.com> 2. *Серокурова Л.А.* "Лишенцы" Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов Автореф. канд. дисс. / Л.А.Серокурова: <http://www.dissercat.com> 3. *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918 - 1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР). Автореф. канд. дисс. / Д.В.Валуев : <http://www.dissercat.com> 4. *Саламатова М.С.* Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х - 1936 гг.: На материалах Западной Сибири. Автореф. канд. дисс. / М.С.Саламатова: <http://www.dissercat.com> 5. *Карпычёва Е.В.* Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование: 1918-1936 гг. Автореф. канд. дисс. / Е.В.Карпычёва: <http://www.dissercat.com> 6. *Морозова Н.М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918-1936 гг. Автореф. канд. дисс. / Н.М.Морозова: <http://www.dissercat.com> 7. *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 - конец 1930-х гг.) / С.А. Красильников: http://zaimka.ru/krasiln1_p1.shtml 8. *Смирнова Т.М.* «Бывшие»: штрихи к социальной политике советской власти / Т.М.Смирнова // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 37-48. 9. *Фёдорова Н.А.* Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных / Н.А.Фёдорова // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 483-496. 10. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. / Ш.Фицпатрик. – М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина. – 2008. – 336 с. 11. *Волосник Ю.П.* Нова буржуазія України та розвиток приватнопідприємницької діяльності на фінансовому ринку в роки непу. / Ю.П.Волосник. – Харків: НМЦ «СД», 2002. – 384 с. 12. *Шейхетов С.В.* Нэпманы, как социальная группа: самосознание, самоорганизация, взаимодействие с властями: <http://zaimka.ru/soviet/nepmen.shtml> 13. *Государственный архив* Харьковской области, ф. Р-408, оп.

4, д. 2380, 221 л. **14.** *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в четырёх томах. – Т. 4. Стихи. Поэмы. Пьесы. 1928-1930 / В.В.Маяковский. / Под ред. Л.Ю.Брик, И.К.Луппола. – М.: Худ. лит., 1936. – С.185-188. **15.** *Боннэр Е.Г.* Дочки-матери / Е.Г.Боннэр: <http://www.sakharov-center.ru>

Надійшла до редколегії 23.03.2014 р.

УДК 94(477.54)«1930/1931»:323..3-058.17

Состав служащих засорён «бывшими людьми»: лишенцы Харькова и Донецка в период чистки советского аппарата 1930-1931 гг. / С. И. Мешковая // Вісник НТУ «ХП». Серія: Актуальні проблеми історії України. – Харків: НТУ «ХП». – 2014. – №. 25 (1068) – С. 83-90. Бібліогр.: 15 назв. – ISSN 2079-0813.

В статье рассматриваются вопросы выявления и наказания граждан, лишённых избирательного права, во время индивидуальной чистки советского аппарата 1930-1931 гг. Отдельное внимание уделено анализу нравственного облика «лишенцев», их мировоззрению, психологии поведения. Чистка советского аппарата, как разновидность репрессивных мер против «бывших людей», являлась процессом крайне противоречивым.

Ключевые слова: «лишенцы», «чистка», протокол, донос, моральный облик, профессиональная этика, трудовой список, махинации, дисциплина, апелляция.

УДК 94(477.54)«1930/1931»:323..3-058.17

Склад службовців засмічений «колишніми людьми»: позбавленці Харкова та Донецька у період чистки радянського апарату 1930-1931 рр. / С. І. Мешковая // Вісник НТУ «ХП». Серія: Актуальні проблеми історії України. – Харків: НТУ «ХП». – 2014. – №. 25 (1068) – С. 83-90. Бібліогр.: 15 назв. – ISSN 2079-0813.

У статті розглядаються питання виявлення та покарання громадян, позбавлених виборчого права, під час індивідуальної чистки радянського апарату 1930-1931 рр. Окремої уваги надано аналізу морального обліку «позбавлених», їх світогляду, психології поведінки. Чистка радянського апарату, як різновид репресивних заходів проти «колишніх людей», була вкрай суперечливим процесом.

Ключевые слова: «лишенцы», «чистка», протокол, донос, моральный облик, профессиональная этика, трудовой список, махинации, дисциплина, апелляция.

The article addressed the identification and punishment of citizens, deprived of the right to vote, while individual cleansing 1930-1931, the Soviet apparatus. Special attention is given the analysis of moral accounting «pozbaavlentsiv», their philosophy, behavioral psychology. Cleaning of the Soviet system, as a kind of repressive measures against «former people», was the process is extremely contradictory.

Keywords: «disfranchised», «cleansing», protocol, denunciation, moral character, professional ethics, work list, fraud, discipline appeal.